

Казакхстанская

Третья

Какое наследие оставил гениальный художник Сергей Калмыков, проведший лучшие годы творчества в Алматы

Творческое наследие Сергея Калмыкова, его сюрреалистический мир линий, экспрессии, цвета и образов, созданных с огромным эмоциональным напряжением, являются интереснейшей и своеобразной частью многонационального искусства Казахстана. Нынешний год завершается под знаком 130-летия гениального художника.

Художник, иллюстратор, декоратор, писатель Сергей Иванович Калмыков (1891–1967) свои лучшие творческие годы провел в Алматы. Ему были присущи неординарность мышления и эксцентричность внешнего облика: он подобен своей живописи – такой же яркий, свободный, независимый. К слову, изображение молодого Калмыкова в образе юноши на крупе коня, не ведая того, видел, наверное, каждый житель СССР на известной картине «Купание красного коня» Кузьмы Петрова-Водкина. Тот запечатлел своего ученика якобы в знак благодарности за идею картины.

Творческий путь Калмыкова охватывает почти 60 лет – с 1908 по 1967 год. Его работы демонстрируют широчайшую амплитуду от реалистических композиций до совершенно авангардных. Наиболее полное собрание его живописи и графики (а это 1 110 картин, рисунков, иллюстраций, театральных декораций) хранится в Государственном музее искусств им. А. Кастеева.

Среди них – уникальный цикл работ, не имеющих прямых аналогов в истории мирового искусства и именуемых иногда «фантастическим экспрессионизмом». Линия художника, которой он владел виртуозно, была доминирующим средством выражения. Часть произведений он так и подписывал: «Великий магистр линейных искусств Сергей Калмыков».

Ученый секретарь музея им. А. Кастеева, кандидат искусствоведения Катерина Резникова напомнила, что работы художника были спасены чудом.

– Произошло это в 1967-м, когда художник ушел из жизни, а произведения остались заброшенными в его квартире, – рассказала искусствовед. – Тогдашний директор Казахской художественной галереи имени Шевченко (так в те годы назывался наш музей) Любовь Плахотная, интуитивно понимая масштаб творчества Калмыкова, обратилась к Правительству КазССР с просьбой передать его наследие в фонд галереи.

По архивным документам можно проследить судьбу наследия от создания комиссии до «сдачи бесхозного имущества, согласно акту описи... в доход государства после смерти гражданина Калмыкова Сергея Ивановича, умершего 27 апреля 1967 года». Часть работ передали в Институт психиатрии по их ходатайству для научных исследований. К сожалению, участь этих картин сегодня неизвестна. А вот Государственный музей искусств им. А. С. Пушкина в Москве на предложение принять часть работ Калмыкова ответил, что «качество этих рисунков не соответствует художественному уровню наших коллекций».

Родился Сергей Иванович в 1891-м в Самарканде, в семье мещанина Ивана Емельяновича, заведовавшего Транспортной конторой Российского общества. В 1893–1894 годах семья переехала в Оренбург, позже 18-летний Сергей уехал в Москву, где поступил в художественную частную школу Константина Юона. Спустя два месяца он стал вольнослушателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

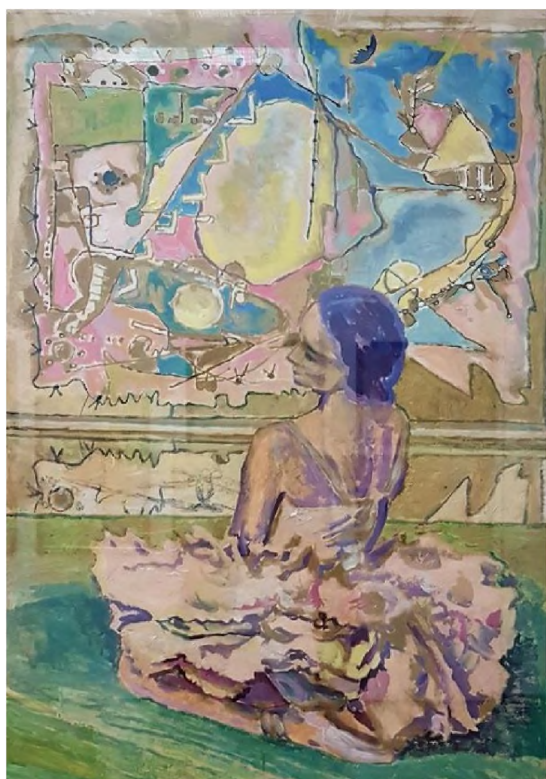
Весной 1910 года покинул училище и уехал в Петербург учиться у Мстислава Добужинского и Кузьмы Петрова-Водкина. Они оказали решающее влияние на молодого художника, которого выгодно отличали высокая культура графики и утонченно-условный характер живописи.

Рисовал Калмыков, как писал сам, сколько себя помнил «и, быть может, ранее – с 4-х или 3-х лет».

В 1916–1917 годах служил рядовым в запасном полку, но по болезни был демобилизован и вернулся в Оренбург. С 1924-го Калмыков стал работать декоратором в оренбургском театре, был оформителем парадов и демонстраций, членом Ассоциации художников революционной России. Одна из его супрематических композиций оренбургского периода сначала приписывалась Казимиру Малевичу, затем Илье Чашнику.

В 1935-м, когда начались чистки среди интеллигенции, кстати пришлось приглашение Евгения Брусиловского на работу в недавно открывшийся Музыкальный театр, который позднее стал Театром оперы и балета им. Абая. Калмыков переехал в Алма-Ату. Сергей Иванович работал сценографом в Театре им. Абая вплоть до выхода на пенсию в 1962-м. За эти годы оформил оперы «Аида», «Князь Игорь», «Тоска», «Фауст» и другие. В воспоминаниях современников художник остался чудачком в странном берете из цветных лоскутов, широких штанинах, с холщовой сумкой и мольбертом.

Он действительно, словно яркая звезда, словно громкий выстрел, как писал он о себе, выделялся на фоне Алма-Аты 1930–1960-х годов, потому что жил в своем, придуманном, но невероятно увлекательном мире, отличавшемся от общепринятого измерения.

Его яркие, зачастую самодельные одежды привлекали внимание. Сергей Иванович объяснял: «Нет, я не безумец. Я вижу иные миры...» И еще писал об этом так: «Вот представьте себе, из глубины Вселенной смотрят миллион глаз, и что они видят? Ползет и ползет по земле какая-то скучная одноцветная серая масса – и вдруг как выстрел – яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу».

После выхода на пенсию у художника были материальные проблемы, он плохо питался. Не было средств на холст, и он писал на кусках картона и обоев, обложках журналов, оберточной бумаге и на обороте своих же работ.

Следует отдать должное – Калмыков был величайшим тружеником. Кроме живописи и графики, он оставил большое литературное наследие: «Фабрика Бумов» – 93 тетради, «Роман нашей эпохи» – 163 тетради, «Приятная усталость» – 103 тетради, «Тайна отеля Сюли», «Проблема джинов», либретто оперетты «Лунный джаз», «Зеленый альбом» и другие. Для него, кроме всего, важным было начертание слов, рисунок, цвет. Оформленные листы он сшивал в альбомы, отчего они приобретали завершенность и ценность вручную изготовленных произведений. Художник верил в свою высокую миссию и подписывал работы как «Гений 1 ранга Земли и Галактики».

По одной версии, Калмыков умер в своей квартире. По другой – незадолго до смерти его положили в психиатрическую больницу, где он умер от воспаления легких на фоне дистрофии. Вторая версия, как предполагается, надуманная, так как Калмыков не имел какого-либо официального психиатрического диагноза. Хотя его поведение, по воспоминаниям, особенно в последние годы жизни, выходило за рамки социальных норм.

Скончался художник в 1967 году, место его захоронения неизвестно. Последняя запись, найденная после смерти в дневнике Сергея Ивановича, как нельзя лучше характеризует его философию и отношение к жизни: «Что мне какой-то там театр? Или цирк? Для меня вся жизнь – театр...»

АВТОР:

Раушан Шулембаева